

С. Б. Сорочан (Харьков)

**От дуката до катепаната,
или Еще раз о поисках «призраков»
самоуправления в провинциальном византийском Херсоне**

После многочисленных исследований административной структуры и политического статуса крымского Херсона у византинистов сложилось почти единодушное мнение, что мы имеем дело с историей типичного «колониального», провинциального ромейского города, которая в VI—XI вв. прошла свою эволюцию, общую для всей Романии. Но попытки найти следы некоего присущего только этому центру если не самоуправляемого, то хотя бы «полусамоуправляемого» «полисного положения» продолжают всплывать вновь и вновь, главным образом, в работах Н. А. Алексеенко и Н. И. Храпунова, настойчиво пытающихся отстоять концепцию особенности именно этого византийского города, якобы не свойственную городским общинам иных центров Византии. Факты, которые порождают новые трактовки данных нарративных источников и особенно сфрагистики, заставляют корректировать прежнюю категоричность таких выводов, но не отказываться от них. Скорее, наблюдаются попытки «перелицевать» прежние наблюдения таких «особенностей» и, соглашаясь в целом с типичностью Херсона как подконтрольного имперского города, все же выдать «призраки» былых муниципальных, общинных властей за некие отголоски прежнего полисного статуса этого античного города, которые, невзирая ни на что, якобы прошли сквозь Средние века.

Н. А. Алексеенко строит историю раннесредневекового Херсона от архонтата, начиная ее с VIII в. и, отмечая наличие дук, а значит, и здешнего крымского дуката с 70-х гг. VI в., скупно роняет, что «...печатаей местных дук до сих пор не известно, а гипотеза С. Б. Сорочана на этот счет не выдерживает никакой критики» [1, с. 438]. Правда, самой критики не следует. Между тем, даже если отказаться от признания найденных в Крыму печатаей дук относящимися к византийской Таврике, никак нельзя проигнорировать эпиграфические свидетельства, которые имеют прямое отношение к Херсону и Боспору. Я уже предупреждал о поспешном утверждении относительно наличия имперских киров Херсона только на рубеже VIII—IX вв. и приписывания им неких функций византийско-хазарских посредников, и оказался прав, когда обнаружилась печать кира фемного Херсона,

спафария Михаила третьей четверти IX в. [2, с. 207–216, 359, 361]. Нет гарантии, что аналогичное не может произойти и с находками печатей местных дуксов, имперских чиновников, еще раз настоятельно подчеркиваю, надежно известных по свидетельствам эпиграфики.

Управленческий аппарат Херсона в VIII — первой трети IX вв. действительно имел форму архонтата во главе с единоличным византийским чиновником — архонтом. В аппарате архонтата, по мнению Н. А. Алексеенко, пока выделяются два должностных лица с имперскими печатями — кир и стратор Херсона, хотя принадлежность их именно к этому «аппарату» опять-таки не более чем гипотеза: с не меньшим основанием можно думать, что это могли быть периодически замещающие архонта лица, также выбираемые с одобрения василевса и потому имевшие печати имперского облика и титулярные саны. Недаром Н. А. Алексеенко сам предположил, что кир, как особый правитель, сменил на рубеже VIII—IX вв. местного архонта [1, с. 441]. То же самое могло произойти в это время и с имперским стратором Херсона, причем это не «экстраординарная должность», действительно отсутствующая в администрации византийских провинций, а невысокий сан, не имеющий ни малейшего отношения ни к логофесии агелы, ни к комиту царских конюшен, ни, тем более, к некоему мифическому «складу-апликту» в архонтатном округе Херсона (апликтон — это не склад, а полномасштабный стационарный военный лагерь, лагерная стоянка) [1, с. 445–446].

Не вызывает сомнений лишь то, что преобразование здешней архонтии привело к образованию стратигии Климата, а затем стратигии Херсона, причем первое могло случиться не к середине IX в., а уже около 835 г., что совпадает с началом нового периода византийско-хазарских отношений в Крыму. В стратигиде присутствуют имперские кiry, некие эк просопу — «от лица» василевса, коммеркиарии, протонотарий. Пока в этой властной управленческой «обойме» не хватает судьи-криты и под вопросом остаются хартуларий и комит, но имеющийся костяк все равно достаточно типичен для фемных военно-административных центров. По крайней мере, основные имперские функционеры фемного уровня в нем присутствуют. В управлении им не могли не помогать патер полиса, протевоны, эдик с имперскими санами и очень важным индикатором официальной власти — персональными моливдулами. И протополит, и протевоны, и «отцы города», прочие «власти», «начальники» (archousi) самого города и окрестных мест были им подчинены, не могли действовать самостоятельно, представляя только городскую общину и ее интересы, поскольку нарративные источники совершенно определенно указывают, что император Феofil подчинил их «всех» (kai pantas) избранному стратигу уже с момента создания здешней стратигии. Будучи представителями и василевса, и город-

ской общины, они не всегда имели имперские печати, положенные вершущке византийских чиновников-управленцев, но почему, впряженные так или иначе в управленческую лямку провинциальных ромейских властей, они должны были иметь лишь «опосредственное отношение к официальной власти», как полагает Н. А. Алексеенко [1, с. 447]? Представители местных аристократических кругов всегда были средой, из которой выходили функционеры весьма разветвленной византийской чиновной и сановной разрядной пирамиды. Тактиконы, следившие главным образом за санами, не всегда были в состоянии отразить все ее местные особенности. Считать их исчерпывающими «официальными списками обширного бюрократического аппарата империи», как полагает Н. А. Алексеенко, можно с очень большой натяжкой [3, с. 10]. Даже понятие «протевон», встречающееся в самых разных источниках, было очень емким, охватывая функционеров и с печатями, и без них. Отсюда вытекают искусственные понятия «*внетабельные чины*», «*внетабельные чиновники*», «*внетабельные посты*», предложенные Н. А. Алексеенко [1, с. 443, 446, 460; 2, с. 10], которые некорректны уже хотя бы потому, что чин (сан) и пост (должность) — разные по своему смысловому наполнению термины. Впрочем, какими бы они ни были, полисные вольности в Византии VIII—XI вв. давно канули в лету.

О прочных позициях местной городской общины, о хитроумном приспособлении Империи к исключительным местным реалиям для сохранения своего влияния продолжает писать и Н. И. Храпунов, который вновь повторяет постулаты о самоуправлении, автономии, неких особых «управляющих» городской общиной, которых он видит и в архонтах (в том числе, невзирая на неоднократные возражения, продолжает считать их коллегиальным органом), и в кирах, и в патерах, и в экдиках, и в протевонах, в том числе даже с титулами, санами и имперскими печатями [4, с. 110–131]. Более того, им предпринята попытка поправить общеизвестную трактовку новеллы Льва VI Мудрого, отменявшей всякие рудименты самоуправления, давно оставшиеся в прошлом, по поводу чего исследователь без каких-либо оснований решил, что это царское постановление «...либо не всегда исполнялось, либо не имело характера универсального закона» [4, с. 127], еще раз продемонстрировав нарушение основного источниковедческого принципа критики.

По такому же принципу строится еще один категоричный «аргумент»: «Вопреки мнению С. Б. Сорочана, наличие печатей у патеров, экдиков и протевонов не означает, что они превратились в государственных служащих, фактически не связанных с городской общиной» [4, с. 130]. К слову, в этом утверждении скрыто откровенное передергивание, ибо я никогда не отвергал их возможное местное происхождение, связь с об-

щиной, хотя даже это невозможно во всех случаях предположить и, тем более, убедительно доказать. И дальше, несколькими строками ниже в выводах автор входит в противоречие с собственным утверждением, заявляя: «Законодательство регламентировало функции и принципы назначения этих чиновников, но предоставляло общинам право их избирать... Община Херсона через своих представителей, НАХОДИВШИХСЯ НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЛУЖБЕ (выделено мной — С. С.), принимала участие в управлении городом и округой» [4, с. 130]. То есть, Н. И. Храпунов пришел к заключению, давно выдвинутому мной, формально отвергнув его ранее [5, с. 21–46], и в очередной раз продемонстрировал весьма неудобную попытку совместить несовместимое: принцип контроля ромейской центральной власти с некими «самостийными» местными общинными реалиями типичного провинциального ромейского города. При этом сам факт сквозной политической «управленческой карьеры» Херсона от ромейского дуката VI—VII вв. через архонтию VIII в. к стратигии IX—X вв. с турмархатом и катепанатом в XI в. убедительнейшим образом свидетельствует об отсутствии такого особого статуса у здешней городской общины.

Абсурдность противоположных выводов состоит уже в том, что, если следовать выкладкам Н. И. Храпунова, получается, что «...информации об участии представителей городских общин в управлении гораздо больше для X—XI вв., чем для VIII—IX вв.» [4, с. 129]. Можно понять, что с этим согласен и Н. А. Алексеенко, тоже отметивший, что в X в. Империя ромеев осуществляла «широкую практику привлечения к управлению представителей местных аристократических кругов», которых он, как уже говорилось, называет «внетабельными чиновниками», хотя это все равно были управленцы с имперскими санами [3, с. 10]. Выходит, Византия эволюционировала от принципов централизованной монархии к управлению руками городской знати, городских общин! Можно лишь вообразить, какое удивление это вызвало бы у самой местной аристократии и остальных ромеев, не знавших коммунальных свобод и движений, если бы им поведали подобные откровения некоторых современных исследователей.

Литература

1. *Алексеенко Н. А.* Имперская администрация Херсона: от архонтии до катепаната (по данным сфрагистики) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств / Отв. ред. Т. Н. Джаксон. — М., 2016.
2. *Сорочан С. Б., Смичков К. Д.* Киры византийского Херсона: проблемы статуса и датировки // Проблемы истории, филологии и культуры. — М.; Магнитогорск, 2006. — Вып. 16 / 1.

3. *Алексеевко Н. А.* Византийский Херсон: Империя и полис по данным сфрагистики // Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия / Под ред. М. В. Грацианского, П. В. Кузенкова. — М.; Белгород, 2016.
4. *Храпунов Н. И.* К вопросу о роли городской общины в управлении византийским Херсоном в VIII—XI вв. // АДСВ. — 2014. — Вып. 42.
5. *Сорочан С. Б.* Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // ВВ. — 2003. — Т. 62 (87).

